

Начало раннего Нового времени на Западе и кардинальные геополитические изменения на Востоке Европы во второй половине XV-XVI вв.

Русский мир, с момента своего появления на свет был своеобразен, склонен к постоянному расширению и изменчивости. Его внутреннее качество постоянно менялось. От чисто внешней фрагментарности восточнославянского пространства IX в. он шагнул к весьма противоречивому единству киевского периода 882-1054 гг. Затем в удельные времена (исток которых пришелся на вторую половину XI – начало XII вв., а конец – на середину XV столетия) опять вернулись к фрагментарности. Однако эта новая фрагментарность имела уже совершенно иной смысл. Каждая часть мозаичной картины Руси представляла собой альтернативный вариант развития, мало совместимый или совсем не совместимый с остальными. Логическим завершением такого итога внутреннего развития к середине XV в. мог стать только скорый распад прежнего древнерусского пространства. Ожидалась некая кардинальная перемена, из которой рождались новые этнические, государственные и социокультурные формы.

Внешним толчком к изменениям оказался уход с исторической сцены в начале XV в. прежнего геополитического столпа восточно-европейского и северо-западного азиатского пограничья – Золотой Орды. Первые признаки ослабления Орды проявились в конце 1350-ых – 1370-ые гг. в «великую замятню», погрузившую в 20-летнее междоусобие распавшуюся на улусы страну. Восстановление единства Орды оказалось возможным только при помощи могущественного среднеазиатского правителя Тимура, возведшего на сарайский престол хана Тохтамыша. Однако уже при Тохтамыше отчетливо выступили признаки военной несостоятельности Золотой Орды. Так в походе на Северо-Восточную Русь 1382 г. обнаружилось, что в отличие от своих предков, ордынцы конца XIV в. не умеют брать каменные крепости, что, впрочем, не помешало им овладеть Москвой, используя простодушие оборонявшихся и их случайного юного вождя Остея. Однако, восстановленное было могущество Орды оказалось миражем. Роковая ссора Тохтамыша с Тимуром закончилась военным поражением и опустошением Орды в ходе трех кампаний, проведенных Тимуром в 1389-1395 гг. Золотоордынская столица – Сарай лежала в руинах. Торговые пути, питавшие Золотую Орду, теперь были перенесены южнее во владения Тимура. Вместе с богатством покинули Улус Джучи и военно-политические возможности. Процесс дробления стал необратимым. Причем большинство из образовавшихся на месте Золотой Орды ханств - Крымское, Ногайское, Казанское, Сибирское (Тюменская Орда) ввиду специфики своей внутренней социально-экономической жизни стремились к обособленности. Казахские владения преемников Батыя вообще вернулись к патриархальному родовому укладу, образовав три Жуза, союза племен: Старший (южный), Средний и Младший (северо-западный). Лишь находившаяся в Среднем Поволжье, южнее Казани Большая Орда пыталась выступить централизующей силой, но ее внутренние ресурсы, опирающиеся преимущественно на кочевое скотоводческое хозяйство были ограничены. В итоге на Востоке Европы образовался «вакуум власти»¹.

¹ По М. Выбор пути. Почему Московия не стала Европой // Родина. № 11. 2003. С.25.

История, как природа, не терпит пустоты. Освободившееся место геополитического лидера в порубежье Восточной Европы и Северо-западной Азии должен был кто-то занять.

Первой такую попытку совершила «другая Русь» - Великое княжество Литовское и Русское. В конце XIV в. великий князь Витовт выступил защитником изгнанника Тохтамыша. Бывший золотоордынский хан нашел в Литве приют и заверения, что его вернут в Сарай. Этой операцией Витовт рассчитывал «убить двух зайцев»: получить великокняжеский ярлык на все русские владения, входящими в зону ордынского владычества, покончив с лидерством Москвы на русском северо-востоке; и добиться неформального контроля над самой дряхлевшей Ордой. Однако поражение Литвы в битве на Ворскле (12 августа 1399) поставило крест на данных планах.

Интересно, что с военной точки зрения победа ставленников Тимура молодого хана Темир-Кутлуй и мурзы Едигея была случайной. Витовт серьезно подготовился к кампании, его силы превосходили противника количественно и качественно². Все погубила самоуверенность Витовта, не принявшего в расчет военный и дипломатический опыт Едигея, а так же остатки «комплекса покорителей Вселенной» в менталитете татар.

Однако геополитический итог: неспособность великого княжества Литовского и Русского заполнить собой вакуум власти в Восточной Европе был вполне закономерен. К началу XIV в. литовско-русское государство утратило динамизм, что выразилось, в частности, в явно второстепенной роли, которую играла Литва внутри польско-литовского альянса. Об этом красноречиво свидетельствует превращение великого князя Ягайло Ольгердовича, правителя литовско-русской языческо-православной державы, в польского короля-католика Владислава, крестившего в латинскую веру языческую Литву по условиям Кревской унии 1385 г. Борьба сторонников литовско-русской независимости от Польши, хоть и увенчалась признанием кузена Ягайло - Витовта Кейстуовича великим князем Литовским и Русским (договор 1392, Городельская уния 1413 г.), но он принужден был признать себя вассалом польского монарха. Попытка же Витовта получить от императора Германии Сигизмунда корону завершилась полной неудачей и личной трагедией Витовта³.

² В 1397 г. в ходе подготовки к большой войне с Золотой Ордой войска Витовта, в состав которых входило южнорусское боярство со своими военными формированиями, совершили успешный поход к Дону, а осенью разбили отряды крымских мурз. В 1398 г. южнорусские, западнорусские и литовские полки Витовта овладели землями в низовьях Днепра и построили здесь каменную крепость св. Иоанна (Тавань). Эта твердыня стала форпостом литовского присутствия в Северном Причерноморье. Несколько тысяч ордынцев были выведены из этих мест и поселены на Киевщине и Волыни. На пограничных реках Южной Руси в срочном порядке возводились замки. Сюда же стягивались военные силы со всего великого княжества литовского и русского. Прибыли пехотные тяжеловооруженные полки из Полоцка под руководством героя Куликовской битвы князя Дмитрия Ольгердовича; дружины другого героя Куликова поля – брянского князя Андрея Ольгердовича. Подошли также отряды киевского князя Ивана Борисовича, гольшанского - князя Ивана Ольгимунтовича, рыльского – Федора Патрикеевича, смоленского – Глеба Святославича и многих других: всего собралось под предводительством Витовта 50 князей. Еще под рукой Витовта находились всадники Тохтамыша, собственная литовская конница, наемники из Валахии, 400 рыцарей из Польши, а также около сотни крестоносцев, присланных великим магистром Ордена. Имелось и новшество – пушки. Татары же не имели представления об огнестрельном оружии.

³ Сигизмунд, искавший союзников для борьбы с чешскими гуситами, дал согласие на объявление Витовта королем Литвы и Руси. Император отправил послов с грамотой и короной, хотя папа Римский с подачи поляков запретил Сигизмунду посылать, а Витовту принимать корону. Папа понял опасность, которая грозит католичеству в независимой Литве и Руси: давно господствующее в Южной и Западной Руси православие легко возьмет верх над недавно приобретенной литовцами латинской верой. В итоге, в 1430 г. двое имперских посланников – Чигала и Рот, которые везли грамоты, дававшие Витовту право на королевское достоинство, были захвачены поляками. Другие же послы, которые везли корону,

Даже в пределах русского мира гегемония Литвы была спорной, несмотря на все ее успехи в консолидации западнорусских и южнорусских земель, достигнутые в XIV в. Во времена Витовта апогей литовско-русской консолидации уже прошел. Пик успехов пришелся на великое княжение дяди Витовта - Ольгерда Гедиминовича (1345-1377). Поручив своему брату и фактическому соправителю Кейстуту отвоевывать Жмудь у Ордена, Ольгерд сконцентрировался на собирании русских земель. Победа над татарами в битве у Синих Вод (1362) позволила ему включить в свое государство почти всю Южную Русь. Вскоре эта «Украина» была освобождена и от последних даннических обязательств в отношении Орды. Однако на северо-востоке Руси литовцы не имели успеха. Ввязавшись в 1371-1375 гг. на стороне Твери в московско-тверской конфликт, Ольгерд не смог повлиять на его итог. Ярлык на Великое княжение Владимирское остался у московского князя Дмитрия Ивановича, а само это великое княжение было объявлено «вотчиной» московской династии. В ходе трех «литовщин», походов Ольгерда на Московское княжество, литовско-русские полки Ольгерды опустошили московскую провинцию, но оказались не только не в состоянии овладеть Московским Кремлем, но и не спасли от ответного разорения москвичами владения Михаила Александровича Тверского, союзника и родственника Ольгерда. Так возникла враждебность между Москвой и Литвой, которая в дальнейшем только нарастала. Не стал компромиссом брак дочери Витовта Софьи с сыном Дмитрия Донского Василием I, причем уже не по вине Москвы: именно ярлык Василия I на великое княжение Владимирское желал «похитить» Витовт, помогая Тохтомышу в конце XIV в. Все это превратило претензии великого княжества Литовского и Русского на геополитическое первенство в Восточноевропейском пространстве в иллюзии.

Пытались овладеть имперским наследием Золотой Орды и ее собственные «осколки» – Большая Орда и Крым. Однако первая оказалась слишком слаба. Претензии хана Большой Орды Ахмата не признали даже ближайшие «родственники»: правители кочевых орд Сибири и Ногайской Степи, не говоря уже о ханствах с преимущественно оседлым населением - Казанском и Крымском. Стояние на Угре 1480 г. стало тем рубежом, который в науке принято считать за условную дату падения татарской зависимости Руси. В январе 1481 г. тюменский хан Ивак (Ибрагим) отнял жизнь Ахмата, а крымцы в 1502 г. довершили разгром его державы. Сыновьям Ахмата удалось закрепиться в Астрахани, но Астраханское ханство не претендовало на роль Золотой Орды. «Золотоордынские претензии» пытался заявить Крым при своем втором независимом властителе - Менгли-Гирее (1466-1515). Но сам Менгли-Гирей получил трон только благодаря помощи Кафы, а в 1475 г. Крым был оккупирован Турцией. В бывшей генуэзской Кафе появился наместник султана и сильный османский гарнизон. Менгли-Гирей стал вассалом турецкого султана.

После захвата турками-османами Анатолии, падения Константинополя (29 мая 1453), Мистры (1460) и Трапезунда (1461) кардинально изменилась геополитическая обстановка на Ближнем Востоке и юго-востоке Европы. Новый

испугавшись, вернулись к Сигизмунду. Весть обо всех этих «подвигах» застала Витовта в окружении многих иностранных гостей, ожидавших его коронации. Гости, включая внука Витовта московского князя Василия II, спешно разъехались. Вскоре 27 октября 1430 г. престарелый Витовт умер, причем современники причиной, ускорившей его кончину, называли скорбь ввиду несбывшейся королевской мечты. (Подробнее см.: Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 3. Т. 4. С. 420-422.)

центр силы здесь являла Османская империя, покончившая с остатками средневековой крестоносной экспансией Запада на Восток и убившая окончательно вторую альтернативу цивилизационного развития средневекового Христианского мира – Византию. Крымское ханство было лишь северо-черноморской окраиной геополитического пространства Турции, находившейся в стадии расширения вплоть до конца XVII в. и весьма угрожавшей Европе.

Однако характер русско-турецкого, а реально русско-крымского взаимодействия в XV-XVI вв. не нес угрозы превращения русских территорий в колониальное владение нового столпа Мусульманского Востока. Крымско-русское взаимодействие первоначально, при Иване III, дружественное, быстро превратилось после его смерти в «стабильно» враждебное, но ни в коей мере оно не напоминало прежнего вассалитета северо-восточных русских земель по отношению к Улусу Джучи.

Квинтэссенцией ожиданий в связи с обрушением прежней геополитической системы на Востоке Европы оказалось рождение нового русского государства – Московской державы. Во второй половине XV – начале XVI вв. Москва, наконец, сумела сплотить вокруг себя весь русский Северо-Восток. Были высказаны династические претензии московских Рюриковичей к литовским Гедиминовичам на «свои» южнорусские и западнорусские «вотчины». Началось проникновение Северо-Восточной Руси в Предуралье: в земли Великой Перми, Вятки, на Каму. В середине XVI в. Москва поглотила территории татарских ханств в Поволжье, а в конце этого столетия двинулась в Сибирь. Таким образом, в отличие от соперников, Московия фактически от рождения заявив себя империей, ликвидировала региональный «вакуум власти». Новая международная роль у нового русского государства, очень символично сопровождалась сменой названия страны. Старый термин «Русь», законно прилагаемый к Московскому княжеству, хоть и не был забыт целиком, но уже к началу XVIII столетия был заметно потеснен новым именем – «Россия»⁴.

Все вышесказанное оказалось возможным благодаря географическому положению и социокультурным особенностям Северо-Восточных русских земель. В отличие от Литвы, через посредничество Золотой Орды Россия Ивана III и Василия III имела знакомство с механизмами функционирования имперской администрации в масштабе, охватывающем значительную часть Восточной Европы и ближайших к ней земель Северо-Западной Азии. В общественно-политическом и культурном развитии России содержалось немало

⁴ Данное название впервые стало употребляться в конце XV в. Происходит оно от греческого названия Руси и видимо вначале употреблялось в круге выходцев из Византии, прибывших в Москву в свите второй жены Ивана III Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора Константина Палеолога. Мода на все византийское, подкрепленная стремлением политическим и церковным видеть в Иване III наследника византийских императоров, а в его Московском государстве преемника Византийской империи обеспечили термину «Россия» общерусское употребление.

Другим обстоятельством, которое способствовало приоритетному употреблению слова «Россия» по отношению к подвластным Москве землям, являлось то, что в Европе к началу XV в. утвердилось представление, что «Русь» – это земли, находящиеся под управлением литовского великого князя и польского короля, т.е. западнорусские, южнорусские и юго-западные русские территории. Северо-Восток Руси воспринимался «Татарией». Кстати, знаменитый Нострадамус и в XVI в. так определял Россию, хотя в его время это было уже явным анахронизмом.

Вслед за термином «Россия» в XVI-XVIII вв. для определения других частей былой Руси все чаще стали использоваться слова «Белоруссия» (западнорусские земли), «Украина», «Малороссия» (южные и юго-западные земли), что тоже не менее символично.

черт, родственных имперским ордынским институтам и естественно привычных для бывших подданных Золотой Орды, прежде всего это понятие о государстве-вотчине с соответствующей системой подданичества населения государю-собственнику этой обширной вотчины.

Становление единого Московского государства в качестве нового геополитического лидера северо-восточного европейско-азиатского пограничья ставит много дискуссионных вопросов. Главные из них:

- Была ли формирующаяся Российская империя «прямым наследником» Золотоордынской империи или обладала иным, новым имперским содержанием?

- Являлся ли внутренний уклад Московской Руси переносом на русскую почву золотоордынских общественных и государственных институтов?

В отечественной исторической традиции в целом господствует старая точка зрения на Российскую империю, как европейскую, в отличие от явно азиатской военно-кочевой сущности империи Батыя и его преемников. Этой позиции придерживались Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков и другие отечественные историки XIX – начала XX вв., а также подавляющее большинство советских исследователей.

Хотя стоит заметить, что во второй половине XIX в. и особенно в начале - середине XX в. данная концепция встретила серьезную оппозицию. Результатом симбиоза с золотоордынскими устоями видел российскую государственную власть Н.И. Костомаров и ряд украинских авторов. В 1920-х – начале 1930-х гг. на значительной ордынской, а точнее особой евразийской самостоятельной, «третьей» (не европейской и не азиатской) преемственности настаивали российские историки-эмигранты – евразийцы. Наиболее систематически (и без выхода из исторического исследования в область публицистики и историософии) евразийская трактовка сущности Российской империи была представлена в творчестве Г.В. Вернадского⁵, профессора Карлова университета в Праге, а с 1927 по начало 1970-х работавшего в ряде американских университетов. Во второй половине XX в. евразийскую точку зрения по-своему развивал известный отечественный востоковед и этнограф Л.Н. Гумилев⁶.

В зарубежной исторической традиции истоком воззрений на внутренние российские общественно-политические институты, как прямое наследие Орды, были записки иностранцев: в особенности, сочинения Герберштейна и Флетчера. Образованный, по-настоящему талантливый ученый Сигизмунд Герберштейн дважды был в Москве при Василии III: в 1517 г. – послом австрийского императора, в 1526 – послом его сына эрцгерцога Фердинанда. Труд Герберштейна “*Rerum moscoviticarum commentari*”, вышедший на латыни в 1549, а в немецком авторском переводе – в 1557 г., явился, по сути, не только источником для анализа государственного и общественного строя Руси XV-XVI вв.⁷, но и первой попыткой его научного осмысления. Записки Флетчера, в 1588 г. посла английской королевы Елизаветы к царю Федору Иоанновичу, более просты и субъективны. Автор приводит интересные факты из политической истории времен Ивана Грозного и сведения по финансовым вопросам.

⁵ Вернадский Г. Русская история. М., 1997. Он же. Монголы и Русь. Тверь; М. 1997. Он же. Начертания русской истории. СПб., 2000.

⁶ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М. 1990. Он же. От Руси до России. М., 1996.

⁷ Герберштейн опирается не только на свои личные наблюдения, но и приводит многое, почерпнутое из памятников современной ему русской письменности.

Сочинение Джильса Флетчера "On the Russian Common Wealtf" появилось в Англии в 1591 г. и было почти сразу сожжено в Лондоне по приказу властей, заинтересованных в торговле с Россией, чтобы «не обидеть Россию». Второе издание увидело свет в 1656 г.

Взгляд Герберштейна и Флетчера на Россию, как прямого наследника Золотой Орды во внутреннем и в геополитическом плане, в зарубежной историографии концепция России имеет серьезное обоснование. По мнению известного американского русиста Чарльза Гальперина⁸, наиболее убедительно данная концепция представлена в трудах американских историков Эдварда Кинана, Майкла Ходарковского и особенно Дональда Островского, а декларация же данного воззрения широко представлена в иностранной литературе⁹.

Нельзя сказать, что вышеописанная концепция «Москвы – как нового Сарая», господствует в современной зарубежной историографии. Диаметрально противоположный взгляд давно обосновывает упомянутый выше историк Ч. Гальперин¹⁰. С основными выводами концепции этого историка отечественный читатель может ознакомиться в опубликованной на русском языке в журнале «Родина» статье «Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды»¹¹. Причем концепция Гальперина в последние время находит на Западе все новых сторонников.

С крушением СССР и уходом в прошлое идеологического противостояния, свойственного эпохе холодной войны, а так же в связи со становлением новой историко-методологической теории постмодернизма, многие западные авторы отказываются акцентировать «восточное естество» России. Например, известный британский историк-русист Доменик Ливен все

⁸ Гальперин Ч. Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды//Родина. 2003. № 12. С. 71.

(Keenan E.L. Muscovy and Kazan, 1445-1552: A Study in Steppe Politics: PhD dissertation. Harvard University, 1965.

Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800. Bloomington. 2002.

Ostrowski D. The Tamma and the Dual-administrative Structure of the Mongol Empire//Bulletin of the Shool of Oriental and African Studies. 1988. Vol. 61. №. 2. P. 262-277; Idem. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions//Slavic Review. 1990. Vol. 49. №. 4. P. 525-542; Idem. The Military Land Grant along the Muslim-Cristian Frontier//Russian History. 1992. Vol. 19. №. 1-4. P. 327-359; Idem. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steepe Frontier, 1304-1589. Cambridge. 1998; Idem. Muscovite Adoption of Mongol-Tatar Political Institution: A Reply to Halperin's Objections// Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. №. 2. P. 267-304.)

⁹ Там же. (Беннигсен А. Экуменизм царя Ивана Васильевича Грозного: Москва, Казань и Оттоманская Порта в 1552 году//Русский альманах. Париж. 1981; Hughes L. The Courts of Moscow and St. Petersburg c. 1547-1725// The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien Regime 1500-1750/ Ed. By J. Adamson. London. 1999. P. 29; Fragner B.G. The Concept of Regionalism in Historical Research on Central Asia and Iran: (A Macro-Historical Interpretation)//Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel. Bloomington. 2001. P. 348; Vasari I. Why was Muscovite Russia Considered "Barbarian" by Contemporary Europe?//Mesto Rossii v Evrope/The Place of Russian in Europe. Budapest. 1999. P. 99.

¹⁰ Halperin Ch. The Russian Land and the Russian Tsar: The Emergence of Muscovite Ideology, 1380-1408//Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. 1976. Bd. 23; Idem. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington. 1985; Idem. The East Slavic Response to the Mongol Conquest//Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1998-1999. Vol. 10; Idem. Muscovite Political Institutions in the 14th Century//Kritika: Explorations in Rassian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. №. 2.)

¹¹ Гальперин Ч. Вымышленное родство. С. 68-71.

свое интервью, адресованное широкому российскому читателю, посвятил выявлению сходств Российской империи с другими европейскими империями. Постоянное расширение России, которое наблюдалось со второй половины XV в. - по XIX столетие, Ливен трактует, как «часть расширения Европы». «Российское государство имело совершенно четкую миссию – распространять европейскую цивилизацию, точно так же, как это делали британцы или французы в своих империях. Народы, за счет которых происходило расширение России, были очень похожи на те, за счет которых расширялись колониальные владения Британии или Франции. Часто это были мусульмане, часто кочевники»¹². Другое дело, *что особенностью России, как европейской державы, состояла в том, что это была «периферийная» империя*. Это определило, в частности, «...характер экспансии. Не по морю, а по земле. По той простой причине, что с азиатскими странами и народами Россия граничила по суше»¹³.

Воззрения, аналогичные взглядам Д. Ливена, достаточно распространены ныне среди западных ученых. Тенденцию к восприятию России не как «аномальной», а как «другой Европы» или точнее специфической части Европы в общеевропейском контексте обнаружила О. Большакова, изучавшая тенденции развития зарубежной, особенно американской, русистики 1990-х – начала 2000-ых годов¹⁴. Подобный поворот весьма логичен для зарубежной русистики. Он обеспечивает взвешенное отношение к определению места России в мировой истории. До 1991 г. зарубежные исследователи были более сосредоточены на выявление различий между Москвией и западноевропейскими странами. Это позволило объективно описать внутренние российские реалии, но игнорировало «вторую сторону медали». Безусловные различия внутреннего социокультурного уклада России и западноевропейских стран, вовсе не исключали позиционирование России себя в мире, как европейской империи. На это и акцентируют внимание зарубежные историки новой волны (в частности, «поколение внуков» в США, «новая Билефельдская школа» в Германии). Данный подход требует расширения цивилизационных рубежей Европы, не сужая ее до границ романо-германского мира.

Что касается внутренней жизни Московии, то концепция ее безусловной идентичности западноевропейскому феодализму (с учетом так называемой «характерной для Руси социально-экономической и политической отсталости») покоится в трудах российского дореволюционного историка Н.П. Павлова-Сильванского¹⁵ и советских историков-марксистов. Подавляющее большинство современных отечественных и зарубежных специалистов признает значительную самобытность внутреннего уклада России: отсутствие в Северо-Восточной Руси и Московии феодальных институтов западноевропейского типа¹⁶. И, как мы уже отмечали, часть исследователей склонна видеть во

¹² Интервью А. Кошкарёва с Д. Ливеном. Быть империей// Эксперт. Россия пять веков империи. 31 декабря 2007 – 13 января 2008 (590). С. 56.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Большакова О. Новая политическая история России. Современная зарубежная историография. Аналитический обзор/РАН. ИНИОН. Центр социальных и научно-информационных исследований. Отд. отеч. и зарубеж. истории. - М., 2006.

¹⁵ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.

¹⁶ Блестящее начало критике попыток Н.П. Павлова-Сильванского и советских историков марксистской школы «втиснуть» русскую средневековую историю в рамки западного феодализма положил человек, сам отдавший дань увлечению марксизмом, - П.Б. Струве. См.: Струве П.Б. Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права древней Руси// Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. № 1. С. 389-464.

внутренней жизни России социокультурный феномен, уходящий корнями не столько в древнерусское наследство IX-XII вв., сколько в особенности общественно-политического устройства Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII вв. или в симбиоз русского Северо-Востока с военной империей Чингизидов. Мы не будем подробно останавливаться на данном вопросе, коснемся лишь оценки влияния ордынской зависимости на внутреннюю русскую историю.

В отличие от классиков отечественной исторической мысли XIX – начала XX вв. – С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, мы не отрицаем значительности этого влияния. Вопрос в том, как Орда влияла на Русь? Уже С.М. Соловьев и В.О. Ключевский убедительно показали, что тенденция к складыванию на Северо-Востоке Руси своеобразного уклада «государства-вотчины» зародилась еще в домонгольский период. Сам этот факт не оспаривается в современной науке. Под вопросом другое утверждение классиков. Ключевский и Соловьев полагали, что тенденция к становлению государства-вотчины в Северо-Восточной Руси стала доминирующей еще до прихода татар, а сам Северо-Восток уже в XII – начале XIII вв. превратился в неоспоримого лидера русского пространства. Киев «уступил место» Владимиру, и это еще до прихода татар предопределило всю последующую историю России – вот центральный тезис концепции классиков российской исторической науки XIX – начала XX в. Следовательно, по мнению Соловьева и Ключевского, иго, несмотря на всю свою обременительность, являлось фактором чисто внешним и стратегически не таким уж значимым для хода русской истории.

Утверждение весьма спорное, как показывает постоянно идущая с конца XIX в. научная дискуссия на данный счет, хотя и вполне закономерное для того этапа изучения российской истории, к которому относились исследования Соловьева и Ключевского. В XIX столетии в российской исторической традиции безраздельно господствовал москвоцентризм. Он вытекал из особенностей северо-восточного, в особенности московского, летописания. Москва там представлялась единственной наследницей Владимира, как тот в свое время был единственным преемником Киева. Задачей же историков было «выстроить прямую линию» русской истории, показав преемственность современной им России с ее средневековым и древнерусским прошлым.

Наука XX – начала XXI в. внесла в эту схему значительные коррективы, начиная с сомнения в безальтернативности центральной роли Владимира в XII-XIII вв.¹⁷, а потом Москвы в XIV – начале XV в.¹⁸, и кончая разнообразием

¹⁷ См., в частности, работы о Галицко-Волынском княжестве, как одном из лидеров русского мира XII-XIV вв. Например: Грушевский История Украины-Руси. Львів. 1905. Т. 2. Т. 3. Гл. 1. Галицко-Волинська держава (XIII-XIV веков). Крипякевич И.П. Галицко-Волынское княжество. Киев. 1984. Котляр Н. Галицко-Волинська Русь. Київ. 1998.

¹⁸ См., в частности, работы о Литве, как одном из центров консолидации Руси. Например: Думин С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское)// История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991. С. 76-126. Флоря Б. Точка распада. «Вся Русь» в политике Вильно и Москвы// Родина. 2003. № 11. С. 28-33.

Интересные наблюдения о «брянской альтернативе» в русской политической истории XIII-XIV вв. содержатся в работах А.А. Горского. См.: Горский А.А. Русские земли в XIII-XIV веках: пути политического развития. М., 1996. Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.)// Средневековая Русь. М., 1996. Горский А.А. К вопросу о причинах «возвышения» Москвы// Отечественная история. 1997. № 1.

См. о «тверской альтернативе» Чернышов А.В. Очерки по истории Тверского княжества XIII-XV вв. Тверь. 1996.

оценок роли ордынской зависимости¹⁹. Относительно последней стоит признать, что, несмотря на зарождение основ государственно-вотчинного уклада во Владимиро-Суздальском княжестве в XII – начале XIII вв., столбовой дорогой внутреннего развития Северо-Востока Руси он стал лишь под внешнем воздействием. Золотая Орда не переносила на Русь форм, присущих военной азиатско-степной цивилизации, но она создавала условия для «выживания» лишь тех русских социально-экономических и политических институтов, которые были понятны и приемлемы Сараю. По праву завоевателя и в соответствии со своими государственными традициями золотоордынский хан видел в покоренной Руси свой улус, свою собственность, которой он одаривал или которой лишал через ярлыки своих улусников, подручных правителей – русских князей. Под воздействием этого на северо-востоке укреплялись местные представления об уделах-вотчинах и забывались прежние, свойственные Древней Руси отношения князя и той волости, где он сидел. Кстати, замена термина «волость» на термин «удел» (т.е. княжество-вотчина) в северо-восточных летописях произошла в середине XIII в., во времена великого княжения Александра Невского и его братьев. Древнерусские вечевые и дружинные традиции ограничения княжеской власти, воспоминания о которых проскальзывали на Северо-Востоке в домонгольский период в ходе княжеских междоусобиц XII – начала XIII вв., окончательно умерли к середине XV в.²⁰ Закон в Монгольской империи был производной от воли царствующего в данный момент хана. В реальной жизни его слово всегда стояло выше каких-либо принятых ранее правовых документов, трактовка которых была «гибкой». Это приучало русских данников (и князей, и население) к парадоксальной мысли, что власть по своей природе незаконна. Достойна уважения лишь сила, с позиции которой властитель возвышается над населением своей «вотчины», как «государь» («хозяин рабов» в первоначальном древнерусском смысле этого слова) над челядью. Ничего подобного не наблюдалось в XIII-XV вв. в западнорусских землях, избежавших нашествия и ига. В итоге, приходится констатировать, что под воздействием ордынской зависимости был углублен внутренний социокультурный раскол русского мира.

Во внешнеполитическом плане был совершен насильственный поворот русского Северо-Востока лицом к Великой Степи. Северо-Восток в середине

¹⁹ Краткий историографический обзор оценок взаимодействия Руси и Золотой Орды можно найти в статье Ю.В. Кривошеева «Русь и Орда» (История России. Россия и Восток. СПб., 2002. С. 81-136).

²⁰ Например, после убийства Андрея Боголюбского в 1174 г. вече Владимира и вече простолюдинов в Суздале приглашают на великокняжеский престол младших братьев Андрея – Михаила и Всеволода. Одновременно вече Ростова и знатные люди Суздаля зовут племянников Андрея – Ростиславичей. После победы Михаила и Всеволода над племянниками именно вече принуждает князя Всеволода ослепить своих несчастных конкурентов. В чрезвычайной обстановке 1382 г. в Москве, оставленной Дмитрием Донским, его боярами и митрополитом, горожане на вече выбирают юного литовского князя Остeya своим предводителем. Это, кстати, единственный пример веча в московской истории.

Последние отголоски дружинно-вечевых традиций можно разглядеть во взаимоотношениях с жителями поволжских городов сына Дмитрия Донского – Юрия Звенигородского и его детей Василия Косого и Дмитрия Шемяки в ходе междоусобицы князей московского дома второй четверти XV в. Самый интересный, с нашей точки зрения, анализ данного феномена есть в книге А.А. Зимина «Витязь на распутье».

Последним и весьма отдаленным воспоминанием о дружинно-вечевых институтах в Твери был отказ ее жителей, вольных слуг и бояр поддержать князя Михаила Борисовича в его конфликте с Иваном III в 1485 г. Результатом стало включение Тверского княжества в Московское государство.

XIII – первой половине XV вв. утратил присущие Древней Руси связи с Западной и Центральной Европой. В XIV – первой половине XV в. северо-восточные русские князья совершенно не интересуются происходящим в Европе, зато разбираются до нюансов в раскладе сил вокруг ханского престола. Ушли в прошлое династические связи с западноевропейскими монархами. Высочайшим достижением считается теперь брак московского удельного князя Юрия Даниловича с Кончакой, родственницей хана Узбека. Ведь именно этот брак в 1318 г. дал московскому князю возможность, не оглядываясь на древнерусские правовые и нравственные нормы, домогаться у хана ярлыка на великое княжение Владимирское, попирая права своего двоюродного дяди тверского князя Михаила Ярославича. Тверские, московские, рязанские купцы плывут вниз по Волге, но жители северо-восточных русских земель (в отличие от новгородцев) не ездят на Запад далее Литвы и Польши, а обитатели Западной Европы в свою очередь не посещают владений Великого княжества Владимирского или Рязанского. Европейцы именуют эти земли «Татарией». Так жизнь течет более 200 лет.

Однако перемены, случившиеся во второй половине XV в., кардинально меняют обстановку. Заполнив собой «пустоту», образовавшуюся после падения Золотой Орды, Московское государство лишь частично сохраняет «восточную ориентацию». Иван III уделяет много времени выстраиванию новых отношений с осколками Золотой Орды – с Ногаями, Казанью, Астраханью, Сибирским ханством и особенно с главным союзником по борьбе с Большой Ордой – Крымом. В языке дипломатического общения с крымским ханом еще ясно слышатся отголоски прошлого преклонения перед золотоордынскими царями. В 1474 г. посол Ивана III к Менгли-Гирею Никита Беклемишев говорит от лица своего государя: «Князь великий Иван *челом бьет*: посол твой Ази-Баба говорил мне, что хочешь меня *жаловать*, в братстве, дружбе и любви»²¹. В ответной грамоте (ярлыке) Менгли-Гирей Ивана III «*жаловал*». Важность, которую в Москве придавали отношениям с Крымом, проявлялось в том, что в одном этом государстве постоянно пребывал русский представитель. Причем послами назначались только бояре. Лишь раз из-за осложнений с Литвой, через которую обычно ездили в Бахчисарай московские посольства, вынуждены были отправить человека «незаметного», и то Иван III долго извинялся и объяснялся по этому поводу: «На Литву проезду нет, а полем пути истомны»²². Когда в 1475 г. Крым был завоеван турками и стал вассалом Османской империи, Москва поспешила при посредничестве Менгли-Гирея наладить дружественные отношения с султаном.

Но все же все эти поклоны в сторону Востока были не более чем данью прошлому и расчетами чисто прагматическими. Новые реалии дают себя знать. Никита Беклемишев сумел решительно отговориться от платежа Менгли-Гирею «поминок» (суррогата прежней дани). Московский князь в договоре с Крымом был назван не «улусником» хана, а «братом». (Кстати, «братом» называл московского государя и османский султан. Он не требовал от Москвы регулярных «подарков», что неизменно присутствовало в XV-XVII вв. при переговорах Ближней Порты с прочими европейскими странами. Причем в турецких текстах присутствовало слово «дань», которое в европейских переводах становилось словом «подарок».) Между Москвой и Крымом был

²¹ Соловьев С.М. Соч. в 18 книгах. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 3. Т. 5. С. 80.

²² Там же. С. 81.

заключен «вечный мир» и военно-политический союз: «Быть нам везде заодно, другу другом быть, а недругу недругом», если же кто из подданных крымского хана рискнет напасть на московские земли, хан клянется «их казнить и взятое отдать и головы людские без откупа выдать»²³.

В голосе Москвы, обращенном к другим татарским ханствам, все более слышатся повелительные ноты. Москва регулярно тревожит Казань своими походами, вмешиваясь в борьбу вокруг казанского престола. Ни один казанский набег не остается без ответного разорения. В Москву выезжают казанские мурзы, царевичи и даже цари. Здесь в неволи содержатся и свергнутые Москвой казанские монархи. Тюменский хан Ивак (Ибрагим), убивший в январе 1481 г. хана Большой Орды Ахмата (и тем оказавший немалую услугу Москве), просил как-то Ивана III выпустить из неволи его родственника, бывшего казанского царя Алегамы, но Иван III не внял этой просьбе²⁴. Один из ногайских ханов вынужден был просить у Москвы согласия на брак своей дочери и казанского хана Магмет-Аминя. На сей раз Иван III уважил просьбу. Кстати, впоследствии из-за интриг Магмет-Аминь с женой и окружением «выбежал» из Казани в Москву, «где великий князь держал его в чести»²⁵.

Наконец, новым по сути в старой «обращенности к Востоку» стала быстрая экспансия Московской державы в восточном направлении. Территории прежних «господ» и их вассалов превращались в колониальные владения Москвы, заселяемые русскими с поразительной быстротой и успехом. При первых государях всея Руси Иване III и Василии III с 1462 по 1533 г. территория России выросла в 6 раз: с 430 тыс. кв. км - до 2,8 млн. кв. км. В царствование Ивана IV Грозного (1533-1584) она еще удвоилась с 2,8 до 5,4 млн. кв. км. В XVII в. уже при Романовых за счет покорения Восточной Сибири территория Российского царства увеличилась еще на 10 млн. кв. км. «Уже к середине XVII в. русские цари правили самым большим государством на свете... Достаточно будет сказать, что между серединой XVI в. и концом XVII в. Москва приобретала в среднем по 35 тысяч кв. км – площадь современной Голландии – в год в течение 150 лет подряд»²⁶.

За двести пятьдесят лет Москва подчинила себе большую часть азиатских владений Золотой Орды и превратилась в евро-азиатскую державу, большая часть территорий которой находилась в Азии. Однако, большая часть жителей и центр экономической, общественно-политической и культурной жизни, как в XV, так и в XVII в., так и в последующие времена остались в Европе.

Не смотря на свое безудержное расширение на восток, Московское государство при Иване III начало постепенный поворот (или возвращение?) в Европу. Во второй половине XV в. во внешней политики Московского государства происходит настоящий переворот. Оторванность и закрытость от Европы, присущая русским землям с середины XIII в., уходит в прошлое. Если ранее Москву волновали, прежде всего, ее отношения с татарским Востоком и проблемы консолидации удельных русских земель, обостряющие пограничные конфликты с Литвой, Орденом и Швецией, то теперь география внешнеполитической активности России существенно расширяется. При Иване III налаживаются контакты с Папской курией и Священной Римской империей

²³ Там же. С. 81.

²⁴ Там же. С. 87.

²⁵ Там же. С. 69.

²⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 113-114.

германской нации, заключается военно-политический союз с Данией, регулярными становятся посольства в Северную Италию, в частности в Венецию, с целью найма на русскую службу иностранных специалистов. Естественно продолжаются войны и дипломатические контакты с Литвой. За исключением взаимоотношений Литвы и Московской Руси, во всех остальных случаях стороны демонстрируют взаимный интерес, расширение и усложнение взаимосвязей, которые отнюдь не сводятся к противостоянию. Для всех характерна объективная направленность на поиски некоего компромисса, в крайнем случае, консенсуса.

Как во многих других государственных делах и здесь интуиция не подвела первого государя всея Руси Ивана III. Поворот к Западу был сделан вовремя. В европейской истории с началом Нового время и великих географических открытий, начались грандиозные перемены. (Собственно эти перемены и заставили историков начать отсчет нового периода Всемирной истории.) В конце XV - XVI вв. европейский континент стал превращаться в лидера мирового развития, заставляя Азию и Новый Свет все более играть по правилам, выгодным европейцам.

Правда, сначала в XV-XVI вв. это было мало заметно. Благодаря избытку населения, богатым природным ресурсам и климату, позволявшему во многих азиатских странах собирать по два-три урожая в год, государства Востока были лучше обеспечены продовольствием, рабочей силой, сырьем. Восточные цивилизации были древнее европейских и за тысячелетия своей истории наработали более совершенные приемы производственной деятельности. Не удивительно, что в XV-XVI вв. и даже к середине XVII в. на их долю приходилась большая часть мирового ремесленного и сельскохозяйственного производства. Качество восточных товаров, особенно китайских и индийских, было выше европейского. Только на Востоке производили такое ценное текстильное сырье, как шелк и хлопок. Вначале Нового времени, как и прежде, Европа завозила с Востока множество предметов роскоши: парчи, бархата, шелка, хлопчатобумажных тканей, фарфора, драгоценных камней, оружия из дамасской стали, а также необходимых для консервации и обработки пищи пряностей. В обмен европейцы могли предложить лишь драгоценные металлы, ибо ассортимент и качество их товаров не интересовали Азию. Оскудение старинных европейских рудников поставило под вопрос торговые связи Европы с Азией. Путешествие Колумба (1492) и обнаружение испанцами в Новом Свете, а португальцами в Африке, богатых золотоносных²⁷ и серебряных месторождений решило данную проблему. Несмотря на то что большая часть золота и серебра европейцев уходило в Азию, количество драгоценного металла в обращении Европы увеличилось с 7 тыс. до 28 тыс. тонн²⁸. Открытие Васко де Гамой морской дороги в Индию вокруг Африки (1498) положило начало прямому сообщению между Западной Европой и Южной Азией и торговле без посредников – византийцев, арабов, турок. Арабы в XIII-XIV вв. оказались главными торговыми партнерами европейцев на Востоке из-за крайнего ослабления Византии ввиду результатов 4-го крестового похода и борьбы империи с турками, а потом и падения ее (1453). Однако турецкая экспансия в Малой Азии и на Ближнем Востоке нанесла роковой удар и по арабам. Не только в Восточном Средиземноморье, но и у Персидского залива арабы

²⁷ Только на рубеже XV-XVI вв. португальцы вывезли из Африки 84 т золота. См. Ревякин А.В. Новая история стран Европы и Америки конец XV–XIX век. М., 2006. С. 12.

²⁸ Там же. С. 19.

потеряли монополию над торговыми путями, что содействовало переходу контроля в бассейне Индийского океана к европейцам, сначала в XVI в. - к португальцам. Кстати, появление османов в Леванте, а также выход их на Балканы и юго-восточные рубежи Священной Римской империи германской нации подорвало позиции европейского Средиземноморья, как эпицентра европейских торговых контактов с Востоком.

Монополия португальцев на морских путях к Ирану, Индии и Китаю, заставила англичан искать северного пути на Восток, но непроходимость Северного Ледовитого океана вполне удачно «завершило» их плавание в середине XVI в. в Белом море в России. Россия была вновь «открыта», как интересный партнер в поставке транзитных товаров из Азии, а главное поставщик весьма ценного для Европы собственного сырья. Это заставило поплыть на русский север голландцев и других европейцев.

Что конкретно искали европейские купцы в России? Морская торговля вызвала бурный прогресс в кораблестроении. Повзрослел спрос на сырье необходимое для производства качественных новых судов, способных совершать длительные переходы. Именно в этом плане по-новому открылась для Запада Россия. Она обладала огромным потенциалом поставщика сырья для кораблестроения: качественной древесины (в частности, не гниющей лиственницы²⁹, пихты, отчасти дуба), а так же пеньки, ворвани, льна, дегтя. Попутно не потеряли значения и некоторые старинные русские экспортные товары (например, мех, ценные сорта рыбы, моржовая кость) и, конечно, транзитные товары, которые пришли в Московию с Востока через сухопутные пути, связавшие через Астрахань русскую территорию с Персией, Средней Азией, владениями османов. Как мы видим, не только Россия XV-XVI вв. поворачивалась к Европе, сам Запад активно «поворачивался» к ней.

Международная торговля XVI столетия вызвала на Западе Европы и в Азии совершенно разные последствия. Азия, получая из Европы серебро и золото, накапливала сокровища, но это никак не влияло на внутреннюю организацию ее традиционного средневекового общества. В Западной же Европе благодаря внутреннему органическому развитию, идущему еще с возрождения в X-XIII вв. городов, начались крупные социально-экономические сдвиги. Торговые прибыли превращались в капитал, который, будучи вложенным в торговлю, интенсификацию и специализацию сельского хозяйства, а особенно в промышленность (ремесло и первые мануфактуры) возрастал. С рождением мануфактур европейская промышленность догнала азиатскую, а после начала в Англии конца XVIII в. промышленного переворота, перегнала азиатское производство, причем как по количеству, так и по качеству выпускаемой продукции. На Западе шло становление нового социального лидера – буржуазии. Феодалное дворянство, процветание которого зиждилось на получении денежного оброка с крестьян, вследствие «революции цен» и падения в 2-4 раза курса драгоценных металлов, наводнивших Западную Европу, скудело. Феодалные отношения отступали перед новыми буржуазными. Иными словами, Европу охватил процесс модернизации. Становление нового индустриального общества и изживание средневековых традиционных институтов стало сутью западноевропейского развития в Новое

²⁹ Кстати, российскую лиственницу для изготовления свай, поддерживающих фундаменты домов, закупила в огромном количестве Венеция. Эти сваи простояли в Венеции вплоть до XX века.

время. Этот процесс, в свою очередь, сделал необратимым перераспределение соотношения сил в мире: Европа теснила Азию.

Внутри Европы модернизация вызвала смещение центра западноевропейского мира. Если в XV и даже в XVI в. он пребывал на юге, там, где и два тысячелетия назад – в Средиземноморье, то в XVII в. мы находим его на западе – на Атлантическом побережье, прежде всего в Нидерландах и Англии. Причем Нидерланды и Англия «обошли» не только «старые» средиземноморские центры – Венецию, Геную, Флоренцию, но и Португалию с Испанией, которые было вырвались вперед за счет своих географических открытий, завершившихся испано-португальским «разделом мира» по Тордесильясскому 1494 и Сарогосскому 1529 гг. договорам³⁰. В XVII в. Англия становится промышленной «мастерской мира» и «владычицей морей». Кстати, этот английский и голландский Запад Европы оказался куда ближе России и географически, и в плане сложившихся ранее связей, нежели средиземноморская Европа.

Все описанные выше перемены вызвали изменение образа Востока в XVII-XVIII и особенно в XIX в. Из мира сказочных богатств, бытового комфорта и огромной военно-государственной мощи, каким он открывался взорам обитателей Европы в Средние века и в начале Нового времени, азиатский мир все более трансформировался в объект европейской экспансии. Наступило время становления великих европейских империй. Территории Нового Света и Азии в процессе взаимодействия с ними превращались в колонии и сферы влияния. Глобальная геополитическая картина мира менялась.

В XV-XVII вв. ясно видно, что Московское государство, выкристаллизовавшееся из фрагментов Северо-Восточной Руси, оказалось втянутым в географическом и в цивилизационном плане в происходившие в мире перемены. Какая судьба ждала Россию в их контексте – «европейская» или «азиатская», «имперская» или «колониальная»? Вопрос о выборе пути для России имел судьбоносное значение. Зная дальнейший ход событий, историк может констатировать: «С XV века благодаря дипломатическим контактам, участию в военных союзах и торговым делам Московия вошла в систему европейских государств и, казалось, встала на путь развития, аналогичный западному»³¹.

Осмысления требуют два аспекта: внешний – какое место в системе европейских стран заняла Россия; и почему путь ее внутреннего развития лишь «казался» аналогичным западному?

Нельзя сказать, что Европа благожелательно восприняла появление на своей восточной окраине нового территориально огромного Московского государства. Западная Европа была скорее озадачена, а ближайшие соседи России – Польша, Литва, Ливонский Орден и отчасти Швеция встревожены. Явление Московии, сразу же приступившей к внешней экспансии и строительству империи, разрушало порядок, построенный в европейском мире за предыдущие три столетия. Суть прежнего позднесредневекового «евроустройства» сводилась к тому, что «настоящими» европейскими странами на Западе привыкли считать лишь романо-германские государства и с

³⁰ Первый разграничивал сферы влияния в Атлантическом океане и Новом Свете. Вторым был заключен после осмысления открытия Ф. Магелланом Тихого океана. В результате в 1529 г. острова Тихого океана в основном «отошли» Испании, а страны Юго-Восточной Азии – к Португалии. Договоры действовали до 1777 г., когда по взаимному согласию были отменены.

³¹ По М. Выбор пути. Почему Московия не стала Европой // Родина. № 11. 2003. С. 26.

определенной натяжкой западнославянские и иные, находящиеся в лоне католицизма. Воспоминание о разнообразии Европы периода раннего Средневековья, когда варвары соседствовали с еще сильной Византийской империей, а феодальная западноевропейская цивилизация делала только первые шаги, уже истерлись. Раскол христианского мира и выработанное в невероятных усилиях культурно-историческое единство Средневекового Запада предельно сузили Европейский мир в представлении западных европейцев. Все непохожее, хоть и находящееся в Европе, относилось к категории «чужого», «неправильного» и «опасного».

Со своей стороны воспитанная в православной традиции Московская Русь вовсе не считала «еретический» мир Запада «правильным». Россия XV-XVI вв., не стесняясь, декларировала свое духовно-религиозное превосходство, как над Католическим Западом, так и Мусульманским Востоком, что, впрочем, не мешало ей вступать с ними в контакты, исходя из прагматических интересов. Неприязненное отношение Москвы к католическому миру не помешало ей вступить в переговоры с Ватиканом. В результате в 1472 г. Иван III при посредничестве папского двора вступил в свой второй, явно политический и идеологически важный брак с племянницей последнего византийского императора Константина XI - православной принцессой Софьей Палеолог. Поскольку ее братья приняли католицизм, с точки зрения православных, лишь Софья осталась истинной наследницей византийского трона. Через Софью в глазах православных народов, попавших в османское иго, Москва обрела династические права на Константинополь и роль духовной наследницы Византии, как главного покровителя всех православных. Эту новую для Москвы роль обосновывало и русское, и прибывшее с Софьей на Русь греческое духовенство. Однако, когда папа Римский и Священная Римская империя попытались втянуть Россию в создание антиосманского союза европейских государств для отпора турецкой экспансии в Европе и «отвоевания византийского наследства», Иван III остался равнодушен. Более того, как мы уже замечали, он поспешил наладить вполне дружественные отношения с мусульманской Турцией при посредничестве ее вассала – крымского хана. Это был весьма умный ход. Конечно, с точки зрения христианской солидарности Иван III явно проигнорировал муки балканских православных, «закрыв глаза» на быстрое омусульманивание бывших православных византийцев в Малой Азии. Но, как политик, он понимал, что Турция находилась на взлете своих агрессивных возможностей (пик ее имперского могущества вообще раскрылся в XVI в.), и тягаться с османами в юго-восточном европейском пространстве Московия конца XV столетия физически не могла. Случись такая борьба, она, может быть, и ослабила бы натиск турок на австрийские границы, Хорватию и Венгрию, но расширила бы владения Турции на север от ее «внутреннего озера» – Черного моря, ставя под вопрос будущность России, как сильного государства.

В социально-политической области Московия стремилась перенести свою иную по сравнению с Западом организацию внутренней жизни на те территории, которые подчиняла в ходе своего расширения в западном направлении. В результате пограничной войны 1487-1494 гг. и военного конфликта 1500-1502 гг. Ивана III отнял у Литвы часть Южной и Западной Руси: Верховские княжества, Чернигово-Северские земли и восточную часть Смоленщины. Его сын Василий III воевал с Литвой в 1512-1522 гг. и завершил присоединение Смоленского княжества к Московии. А сын Василия III – Иван

IV уже решился ввязаться в 25-летнюю Ливонскую войну (1558-1583). Он надеялся получить в Прибалтике все бывшие владения Ордена, начиная с Дерпта (основанного в начале XI в., как древнерусский Юрьев) и, кончая, развитыми торгово-ремесленными и портовыми центрами Балтики – Нарвой, Ригой и Ревелем, где тон задавало преимущественно немецкое население. В добавок у Литвы и Польши (с 1569 г. Речи Посполитой) намеривались отнять «свои вотчины» - Полоцк и другие западнорусские территории. Ливонская война не принесла России удачи, но мы знаем, что это было с лихвой компенсировано при Петре I. Победа в Северной войне (1700-1721) позволила России вернуть потерянные в конце XVI – начале XVII вв. владения у Финского залива (некогда новгородские чудскую, водскую пятины и волость Корелу), а так же принесла развитые и вполне европеизированные Эстляндию, Лифляндию, часть Финляндии с Выборгом. В конце XVIII в. Екатерина II в результате трех разделов Речи Посполитой поставила точку в старинном русско-литовском соперничестве: вся Белоруссия, Литва, Правобережная Украина (без Галиции), а заодно и Курляндия оказались в пределах российских границ. Поражение Турции в двух войнах с Россией принесли Крымские владения и обеспечили обладание северным побережьем Черного моря. Перечисленные европейские завоевания России XVIII в., безусловно, стали самыми серьезными ее имперскими приобретениями. В то время в Европе (а значит и в мире) империи были единственным способом существования великих держав. Не приобрети Россия Балтию, Белоруссию, Литву, Правобережную Украину и Новороссию, она бы не состоялась в XVIII столетии как великая европейская держава.

С высоты нашего времени выглядит логичным, что восточноевропейская страна, перехватившая геополитическое лидерство у Золотой Орды, сразу начала свое становление как империя, а в XVIII столетии превратилась в великую державу. Но были ли исключены и иные варианты развития? В конце XV в. ввиду экстравертности и большего динамизма внутреннего органического развития романо-германских стран, «новорожденная» Россия вполне могла стать частью их мира с судьбой «малой страны». Тем более что большая часть западноевропейских и западнославянских стран имели именно этот «статус».

Мог случиться и менее благоприятный исход. Суровость природно-климатических условий, обусловившая бедность русского населения, огромные территории при малой заселенности (в XV-XVI вв. в европейской части плотность населения России была меньше средневропейской в 10 раз!) привели к застою сценарию развития экономики, не подававшей никаких стремлений к органической модернизации изнутри. Вспомним, что именно отсутствие модернизации постепенно превратило Азию в обширное колониальное владение Европы. Отсутствие внутренних модернизационных явлений в России XV-XVI вв. ослабляло ее общественно-политический потенциал, негативно сказывалось на военной мощи, что вполне могло привести к совсем не благоприятному финалу. Он не исключал превращения России в полуколониальное или даже колониальное владение соседей-европейцев или Турции. Причем из-за непомерности русских земельных владений этот процесс сопровождался бы непременным распадом территориального единства русского Северо-Востока.

Что позволило России избежать перечисленных альтернатив?

«Колумб российской истории» Н.М. Карамзин и основоположник теории «официальной народности» С.С. Уваров отвечали на этот вопрос в первой половине XIX в. однозначно: благодаря самодержавию. По Карамзину, отличие русской истории от западноевропейской состояло в том, что на Западе движущей силой исторического процесса выступало общество, а в России – власть. Абсолютная власть давала российским монархам возможность сконцентрировать все силы обширной, но бедной и «застойной» страны в один кулак. Как ни парадоксально, но с этой точкой зрения готов согласиться в начале XXI в. американский историк Маршалл По. Правда, в отличие от Карамзина и Уварова он отнюдь не склонен восхищаться российским самодержавием. «Государство, построенное русскими в XV веке, - пишет гарвардский профессор, - изначально было устаревшим по сравнению с европейскими странами. Московиты, однако, обладали одним инструментом, который надежно защищал их от завоевания более развитыми державами. Он назывался «самодержавие». ...Установление самодержавного строя было единственным способом выживания Московии в Европе. Он компенсировал отсталость России, проводя на государственном уровне необходимые реформы в сферах культуры, экономики и военной политике. /.../ Сумела ли Московия дать адекватный ответ Западу? Отметим примечательный факт: из нескольких сотен суверенных и полусуверенных европейских государств, существовавших в XV веке, только некоторые дожили до 1700 года. И Россия была одной из немногих «выживших» держав. Она уцелела не благодаря своей мощи и талантам правителей, но из-за жестокости и деспотичности ее правящего класса. Однако самодержавие спасло страну в краткой перспективе. В длительной же оно оказалось проклятием России»³². (В своей книге “The Russian Moment in World History” М. По поясняет, что «проклятие» обнаружилось во второй половине XIX – XX в.: избыточный этатизм душил все попытки общества к саморазвитию, что консервировало социальную неразвитость, которая в свою очередь цементировала экономическую отсталость. Либеральные реформы власти оставались незавершенными, сменялись откатами, и Россия под «грузом своего средневекового самодержавного наследства» пришла к перманентному кризису в современности. Либеральные реформы не имеют завершения. Хотя они дают толчок к развитию, но порождают противоречивое состояние, мало напоминающее европейский порядок. Следствием является регулярный откат с воспеванием силы государственной власти и стабильности, которая на деле оказывается мнимым благополучием, порождает застой, увеличивая технологическое отставание от Запада. Образуется замкнутый круг, отражающий глубоко болезненное состояние России в эпохи модерна и постмодерна.)³³

Полемизуя с Карамзиным, Уваровым и Маршаллом По по поводу «спасительности самодержавия» в раннее новое время или позднее средневековье³⁴ (т.е. в конце XV-XVII вв.), хочется заметить, что самодержавие, а применительно к Московскому государству XV-XVI вв. деспотическая форма монархической власти, были присущи не только России. Не меньшей концентрацией власти обладали иранские шахи, китайские богдыханы, индийские раджи. Но это не спасло их некогда великие (и в отличие от России в

³² По М. Выбор пути. Почему Московия не стала Европой// Родина. 2003. № 11. С. 27.

³³ По М. The Russian Moment in World History. Princeton. 2003.

³⁴ Современные историки ведут дискуссию о хронологии и периодизации Средневековья и Нового времени.

средневековое время более развитые в сравнении с Европой) страны от закабаления европейцами в XVI-XVIII вв., как и от окончательного превращения их в колонии и полуколонии в XIX – начале XX вв. Очевидно, дело было не в самой самодержавии, а в той политике, которую оно вело.

Что более всего тревожило Россию в ее соприкосновении с другими европейскими странами? Она обнаружила, что часто несостоятельна в войне, дипломатии и торговле. Неудивительно, что Московское единое государство стремилось сделать себя конкурентоспособным в этих вопросах, заимствуя то, с помощью чего европейцы «теснили» Россию. Уже Иван III, не столько ощутив, сколько угадывая, трудности своей страны в соприкосновении с Европой, решил начать заимствовать у последней военный, технический, отчасти научный и культурный опыт. Так что мы вправе говорить, что с самого рождения Московской державы началась ее *европеизация*.

Анализ сущности и особенностей российской европеизации не входит в задачи данной статьи, но отметим, что в качестве рабочей гипотезы стоит предположить, что именно политика европеизации стала причиной конкурентоспособности Московской Руси. Она же определила европейскую геополитическую роль, сыгранную Российской империей в северной Азии в новое время. Анализ форм, целей и итогов европеизации подтвердит или опровергнет наше предположение. Возможно будет найден и ответ на вопрос, вынесенный Маршаллом По в подзаголовок статьи для российских читателей: почему при этом сама Московия «не стала Европой»?